

В указах об учреждении Духовного собрания обязанности заседателей четко не регламентировались, поэтому в конце XVIII – первой четверти XIX в. между муфтием и заседателями возникло множество спорных ситуаций. Характеризуя муфтия Мухамеджана Хусаинова, мы уже отмечали его авторитарные методы управления. Это значительно повлияло на взаимоотношения муфтия и заседателей. Например, в августе 1801 г., уезжая в Москву, Мухамеджан Хусаинов наказал заседателям не принимать самостоятельные решения в его отсутствие. В своем сообщении в Оренбургское губернское правление он объяснил это тем, что без него злоупотребления заседателей и чиновников могут существенно возрасти. Губернское правление, сочтя аргументы Мухамеджана Хусейнова весомыми, утвердило его решение. Заседателям было разрешено заниматься лишь подготовкой дел к рассмотрению, что негативно сказалось на работе учреждения.

Только 14 декабря 1801 г. Правительствующий Сенат подтвердил коллегиальность принятия решений в Духовном собрании и возложил исполнение обязанностей муфтия во время его отлучек на старшего присутствующего. Указом от 15 июля 1802 г. было установлено, что в случае разногласий дела в Оренбургском магометанском духовном собрании решаются простым большинством голосов, если же голоса разделятся поровну, то голос председательствующего (муфтия) дает перевес. Еще одним ограничением компетенции муфтия стал указ Правительствующего Сената от 14 июня 1832 г., гласящий, что «личные решения муфтия не имеют силу судебных приговоров и не должны быть принимаемы к исполнению».

Во время пребывания в должности муфтия Габдессаляма Габдрахимова был восстановлен порядок работы религиозного учреждения, определенный еще О. А. Игельстромом,. Заседатели вновь получили право рассматривать и давать заключения по различным делам, могли общим решением блокировать предложения муфтия. Их активность усилилась также в связи с введением в официальное делопроизводство татарского языка. На это власти согласились из-за недостаточно хорошего знания новым муфтием русского языка.

Ряд попыток реформировать систему формирования кадров религиозного учреждения предпринял муфтий Габдулвахид Сулейманов. В 1841 г. он предложил отменить существующую систему выборов заседателей и перейти к их назначению Министерством внутренних дел. При этом муфтию предоставлялось право внесения в министерство предложений по кандидатурам членов Духовного собрания. В это же время в Оренбургском губернском правлении обсуждался вопрос о применении в крае законоположения от 23 декабря 1831 г. о Таврическом магометанском духовном прав-

лении, один из пунктов которого гласил, что кадии избираются всем мусульманским духовенством. Оба варианта в результате многомесячного обсуждения были признаны местными властями не соответствующими законам об Оренбургском магометанском духовном собрании.

Но отказы не охладили пыл Габдулвахида Сулейманова. В 1845 г. в обращении к оренбургскому генерал-губернатору В. А. Обручеву он вновь подверг критике существующее положение о выборе заседателей. В 1847 г. аналогичное обращение последовало к казанскому генерал-губернатору. Муфтий предложил избирать заседателями только представителей высшего духовенства, имеющих звание хатыба, мударриса и работающих заведующими медресе. Проект Габдулвахида Сулейманова был реализован на очередных выборах уездных делегатов в 1847 г. Но на общегубернский съезд, который должен был состояться 15 ноября того же года, избранные хатыбы и мударрисы под разными предлогами не явились. Казансское губернскоеправление было вынуждено провести повторные выборы, в которых приняли участие 43 духовных лица, отвечающие требуемым условиям. Заседателями стали Габдулжаббар Рахимкулов, Тухватулла Халимов, Тажетдин Муштареев.

Когда в конце 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев указал на необходимость Духовному собранию четко выразить свое отношение к проекту Габдулвахида Сулейманова, последнее постановило: «Так как Магометанское собрание меру, предложенную покойным муфтием, не признает необходимой и законной, то и полагает обстоятельство это оставить без всякого заключения».

Как уже отмечалось, проблема избрания высших должностных лиц Духовного собрания перекликалась с вопросом о коллегиальности управления в учреждении. Власть муфтия могла держаться на двух «китах» – духовном авторитете и связях с высшими правительственные чиновниками. Изменить соотношение в распределении полномочий между муфтием и заседателями предлагали и некоторые руководители местных властей. Так, оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский в письме к министру П. А. Валуеву от 31 января 1867 г. отмечал, что считает нужным «порядок коллегиального рассмотрения некоторых дел изменить на порядок решения административно от председательствующего».

При реализации инициативы генерал-губернатора заседатели оставались лишь с совещательным голосом. Этим генерал-губернатор хотел достигнуть быстроты выполнения Духовным собранием правительенных указаний. Н. А. Крыжановский, отличавшийся пристрастным отношением к исламу, постоянно наблюдал за деятельностью религиозного учреждения. В послании уфимскому

губернатору от 24 марта 1866 г. он просил потребовать от членов Духовного собрания подписываться на всех документах только на русском языке. По замыслу генерал-губернатора, казыев вообще следовало назначать только из лиц, знающих русскую грамоту, а впоследствии лишь из закончивших гимназию. В ответном послании от 15 июня 1868 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев поддержал намерения Н. А. Крыжановского, но выполнение указанной меры было отложено более чем на два десятилетия.

Салимгарей Тевкелев в вопросе избрания заседателей придерживался мнения своего предшественника. Вначале он рассчитывал улучшить кадровое обеспечение Духовного собрания за счет усовершенствования выборов в Казанской губернии. 30 октября 1868 г. в своем отношении к казанскому губернатору Салимгарей Тевкелев отметил, что Казанский и Мамадышский уезды, где имеется соответственно 169 и 174 духовных служителя, и Чебоксарский и Цивильский уезды с 2 и 10 муллами направляют на губернский съезд одинаковое количество выборщиков, что отрицательно сказывается на исходе выборов. Муфтий предлагал перейти к пропорциональной системе избрания делегатов. Казанское губернское правление постановлением от 8 ноября 1871 г. сгруппировало малоприходные уезды в избирательные округа. Теперь Казанский и Мамадышский уезды давали по 7 выборщиков, Тетюшский — 5, Чистопольский и Лайшевский — по 4, Спасский — 3, Свияжский и Царевококшайский — по 2, г. Казань и Цивильский — по одному. Такой порядок действовал при выборах заседателей в 1871 и 1874 гг. Одной из причин отказа грамотных мулл от должности казыя Салимгарей Тевкелев видел в отсутствии материальной заинтересованности. Он неоднократно обращался в вышестоящие органы с просьбой решить вопрос о четкой смене заседателей по окончании срока полномочий. Указав на то, что заседатели, путешествуя зимой из Казани в Уфу с семьями, вынуждены входить в долги, муфтий просил перенести пересменку на лето, когда возможен относительно дешевый переезд на водном виде транспорта. Однако казанский губернатор, ссылаясь на закон, отказался отправлять ходатайство по инстанции.

Во второй половине XIX в. несколько изменилась система контроля над проведением выборов со стороны правительства. С 1847 г. они проходили в Казанском полицейском управлении под председательством полицмейстера, а в качестве наблюдателей (почетных гостей) присутствовали лица, определяемые губернским правлением. Например, при выборах заседателей в декабре 1871 г., кроме полицмейстера и городского головы, контроль со стороны мусульманского общества над их проведением осуществляли ахун Кама-

летдин Исакдеров и имам Шигабутдин Марджани (Багаутдинов). При избрании членов Духовного собрания в 1874 г. присутствовали полицмейстер, два служащих полицейского управления, два ахуна и состоящий при Казанском губернаторе чиновник Министерства внутренних дел князь Ч. Давлеткильдеев.

Отдельные ахуны и муллы избирались заседателями неоднократно. Например, Тажетдин Максютов и Тажетдин Муштареев заседали с перерывами по 4 срока, а Габдулжаббар Рахманкулов, Аухадий Исакдеров, Имагил Тагиров избирались по 3 раза. Своебородным рекордсменом по исполнению обязанностей кадия был Джелялетдин Максютов, который заседал в Духовном собрании 8 сроков подряд. Он сумел закрепиться в Уфе, купил дом и землю, владел кумысолечебницей вблизи города, активно занимался торговлей. За деятельное участие в работе Уфимского попечительного о бедных комитета был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте.

Изменения в порядке выборов заседателей не принесли желаемых улучшений в работе Духовного собрания. В начале 80-х гг. Салимгарей Тевкелев предпринял новые попытки по пересмотру законодательства. 23 марта 1880 г. он представил в Департамент духовных дел иностранных исповеданий проект, в котором предложил новую схему выбора заседателей, расширяющую источник пополнения Духовного собрания компетентными кадрами. По его мнению, на первый трехлетний цикл один заседатель должен был избираться духовенством Оренбургской губернии, второй – духовенством Самарской или Симбирской губерний; во втором трехлетии в присутствии заседал один представитель духовенства Уфимской губернии, второй – из Астраханской или Саратовской губерний. И наконец, в третьем цикле один заседатель представлял духовенство Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и Рязанской губерний, второй – духовенство Вятской и Пермской губерний. Одно постоянное место отводилось избраннику духовенства Казанской губернии. Этим муфтий рассчитывал избежать противостояния с «казанской партией» и очередного блокирования проекта заседателями. Выборы предполагалось проводить не одновременно, а ежегодно заменять одного заседателя.

В целом отзывы губернаторов на предложения Салимгарея Тевкелева были благоприятными. В частности, Казанский губернатор в письме от 17 ноября 1880 г. в ДДДИИ отмечал, что «указанный проект сравнил бы казанских татар с прочими мусульманами России... не давая им преимущества в духовном чине и тем самым побудив у них как особенного влияния на мусульманское население, так и фанатичной заносчивости». Против замыслов Салимгарея

Тевкелева выступил только рязанский губернатор, считавший, что любые преобразования не способны изменить сущность деятельности Духовного собрания, так как ислам — «изуверская религия». Начальник Департамента А. Н. Мосолов в письме муфтию от 21 января 1881 г. отмечал, что благоприятные отзывы губернаторов «дают правительству прочную опору принять без всяких колебаний и недомолвок желанную Вам меру».

Министр внутренних дел Д. Толстой также положительно оценивал проект Салимгарея Тевкелева. В то же время он был против предоставления особых преимуществ Казанской губернии в выборе заседателей, а также против проведения губернских мусульманских съездов. Несмотря на положительные отклики, многочисленные обращения Салимгарея Тевкелева в Министерство внутренних дел в 1883–1885 гг. не дали практических результатов.

В августе 1886 г. муфтий Мухамедъяр Султанов выдвинул новый проект выборов заседателей Духовного собрания. Как и Салимгарей Тевкелев, он разделил губернию с мусульманским населением на избирательные округа. В первый округ должна была войти Уфимская губерния, имеющая 1 386 приходов и 2 240 ахунов и мулл. Второй округ составляли Оренбургская, Казанская и Астраханская губернии (1 366 и 2 051), третий — Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Вятская, Нижегородская, Рязанская, Пермская, Томская и Уральская губернии (1 366 и 1 958). Ряд губерний, в том числе Московская и Санкт-Петербургская, из-за удаленности и малочисленности в них мусульманских приходов лишался избирательного права. Каждый округ избирал заседателей на общих съездах. Кандидаты в заседатели должны были свободно изъясняться, читать и писать по-русски. «Во избежание всяких кривотолков и недоразумений, — писал Мухамедъяр Султанов, — было бы желательно устраниТЬ полицию от всякого участия в выборах».

Проект Мухамедъяра Султана в Министерстве внутренних дел встретили весьма прохладно. Период увлечения идеей выборности высших мусульманских должностных лиц в правительственные структурах уже прошел. В российской столице преобладало мнение, что выборы могут привести к нежелательным последствиям, способствовать активизации «инородцев» в борьбе за свои права. К тому же видные общественные деятели и печать трубили о мусульманской угрозе целостности России. Н. И. Ильминский в секретном послании к К. П. Победоносцеву от 10 февраля 1884 г. писал о новых тенденциях в развитии мусульманского движения, желании казанского культурного центра соединиться с уфимским. Особую угрозу миссионер видел в деятельности заседателя Муха-

мадия Салихова. Характеризуя его как «ученого фанатика и жестокого врага русско-татарской школы», Н. И. Ильминский предлагал удалить упомянутого заседателя с должности под любым, даже вымышленным предлогом.

Все это оказало влияние на Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Директор учреждения М. Кантакузин-Сперанский в письме к муфтию Мухамедьяру Султанову от 8 октября 1886 г. убеждал его в необходимости назначения казыев самим главой Духовного собрания. Во-первых, считал директор, такой порядок не столь громоздок, не требует больших финансовых затрат и дает возможность назначать на должность духовных лиц из различных губерний, во-вторых, позволяет укомплектовать Духовное собрание более способными и компетентными лицами, в-третьих, упрочит авторитет муфтия.

На этот раз заседатели Собрания были лишены возможности высказывать мнение о новом законопроекте, так как инициатива об изменениях исходила от вышестоящих инстанций. Повышение же административных возможностей более чем устраивало муфтия, и он дал благожелательный отзыв.

18 декабря 1889 г. Государственный совет изменил статью 1237 устава Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Теперь она гласила следующее: «Члены Духовного собрания и три кандидата к ним назначаются Министерством внутренних дел по представлению оренбургского муфтия каждый на три года». Ежегодно из состава религиозного учреждения выбывал один кадий, а на его место прибывал другой. Предусматривалась возможность и продления срока пребывания в религиозном учреждении. В течение первых 6 лет после принятия данного закона членами Оренбургского магометанского духовного собрания могли назначаться лица, познания которых в русском языке ограничивались просто грамотностью, то есть им не нужно было предъявлять свидетельства об окончании гимназии.

Таким образом, действующее в течение столетия законоположение о выборах заседателей Духовного собрания подверглось кардинальному изменению. При назначении заседателей главой религиозного учреждения расширялись возможности для поиска действительно авторитетных кандидатов. Но сами мусульманские общины лишились возможности влиять на избрание членов Духовного собрания. Теперь практически все целиком зависело от личности муфтия, самостоятельно подбиравшего кадры.

На первое трехлетие Министерство внутренних дел само установило очередь выбывания кадиев из состава Духовного собрания. Муфтий и Уфимское губернскоеправление пожелали скорее изба-

виться от неустраивавших их кадиев – А. Хисматуллина и Д. Максютова. Уфимский губернатор объяснял свои пристрастия несочувственным отношением указанных заседателей к закону об образовательном цензе для мусульманских священнослужителей. Первым вновь назначенным заседателем стал в 1890 г. мулла д. Тимошкино Сенгилейского уезда Симбирской губернии Бургамитдин Насреддинов. Анонимный автор из Казани уведомлял министра внутренних дел И. Н. Дурново, что «супруга новоизбранного члена Собрания и невеста родного сына муфтия связаны близкими узами кровного родства». При новом порядке назначения членов государственно-религиозного учреждения правительством собирались сведения о политической благонадежности предполагаемых заседателей. Так, самарский губернатор сообщал 26 января 1891 г. директору Департамента М. Р. Кантакузину-Сперанскому, что второй кандидат на должность кадия имам и мударрис Ильяковской соборной мечети Бугульминского уезда Ризаитдин Фахретдинов, «как оказалось по собранным сведениям, поведения хорошего и политически благонадежен, читать и писать по-русски умеет». Такой короткой справкой МВД удовлетворялось, фактически его роль при назначении кадиев была чисто формальной.

Кроме председателя и заседателей, первоначально штат ОМДС включал 5 канцелярских служащих. В первой четверти XIX в. в учреждении ощущалась острые нехватка кадров. 4 ноября 1843 г. Духовное собрание в ответе Департаменту духовных дел иностранных исповеданий о числе штатных чиновников за 1804, 1812, 1822 и 1827 гг. сообщало, что «находилось их в поясненных периодах неполный комплект, вероятно, по небытию желающих служить в штате Собрания». До 1832 г. штат учреждения оставался неизменным. Ограниченнность в средствах, возросшие расходы, связанные с расширением сфер деятельности, вынудили муфтия Габдессаляма Габдрахимова обратиться в МВД о срочной помощи. 28 мая 1832 г. Министерство разрешило ежегодно дополнительно отпускать из казны 1 000 рублей для того, чтобы Собрание могло нанимать новых канцелярских служащих или прибавлять жалованье уже имевшимся. По утвержденному 15 января 1836 г. императором Николаем I штату, в состав Духовного собрания входило 12 служащих. Годовые затраты на содержание Оренбургского магометанского духовного собрания составляли 10 850 рублей серебром. Для сравнения заметим, что на расходы Таврического магометанского духовного правления, под юрисдикцией которого находилось в сотни раз меньшая территория и в десятки раз меньшее количество религиозных служителей, выделялось из бюджета 12 250 рублей серебром.

В XIX в. муфтии не оставляли попыток укрепить состав Духовного собрания. Благодаря усилиям Габдулвахида Сулейманова и поддержке оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского в 1843 г. в штат Духовного собрания ввели еще 3 должности: столоначальника, старшего и младшего канцеляристов. В 1860 г. Духовное собрание просило Министерство внутренних дел ходатайствовать перед императором о назначении всем столоначальникам штатных помощников, введении должности архивариуса, увеличении штата писцов на 3 человека и прибавлении 400 рублей на канцелярские расходы. Однако правительство сочло такие расходы обременительными. Между тем реестры рассматриваемых в Духовном собрании дел показывают, что многие дела переносились из года в год. Например, в 1859 г. на рассмотрении учреждения находилось 556 дел, из них 1 – с 1844 г., 2 – с 1846 г., 1 – с 1847 г., 3 – с 1849 г., 9 – с 1851 г., 6 – с 1852 г., 21 – с 1854 г., 19 – с 1855 г., 25 – с 1856 г., 44 – с 1857 г. и т. д. Это было связано как с загруженностью служащих, так и с извечной болезнью российских учреждений – бюрократизмом. В 1892 г. Уфимское губернское правление после многочисленных безрезультатных обращений в Духовное собрание о скорейшем решении дела дворянина Бикташева вынуждено было пожаловаться в МВД. Религиозное учреждение отвергло обвинения губернского правления. «Ввиду того, что заключения Собрания как общественного учреждения для решения шариатных дел являются безапелляционными, – писали председатель и заседатели, – некоторая медлительность в делах подобного рода много выше, чем излишняя спешность с последствиями, часто неисправимыми». Такой ответ прогневил министра И. Н. Дурново и тот объявил всему личному составу Духовного собрания выговор.

В XIX в. служащими религиозного учреждения были представители татарских мурз Мамлеевых, Алкиных, Терегуловых, Чанышевых, Еникеевых. К середине века, а тем более к его концу большинство служащих составляли выходцы из татарского и башкирского дворянства. Например, в 1888 г. из 16 служащих 14 составляли мусульмане, причем многие из них окончили гимназии, уездные и военные училища.

В конце XIX в. предпринимались попытки перевести все дело-производство Собрания на русский язык. Так, генерал-губернатор Н. А. Крыжановский предлагал перевести на русский язык не только ведение дел и переписку, но и записи в метрических книгах. Муфтий Салимгарей Тевкелев, ссылаясь как на техническую невозможность, так и на массовое недовольство населения, чреватое

сильными потрясениями, сумел отложить на неопределенный срок реализацию проекта генерал-губернатора.

По нарастающей развивалась финансовая деятельность Духовного собрания. До конца 20-х гг. XIX в. оно практически не занималось данной сферой. В 1827 г. оренбургский вице-губернатор Н. Хирьяков выступил с инициативой заведения у мусульман метрических книг.

Для этой цели главноуправляющий Департаментом духовных дел иностранных исповеданий выделил учреждению 700 рублей серебром. Эти деньги послужили начальной оборотной суммой капитала Духовного собрания. С 1829 г. началась рассылка метрических книг по приходам. За запись в книгах важных событий в жизни мусульман (рождение, свадьба, смерть и т. д.) муллы получали определенную сумму и отсылали ее в Уфу. Духовное собрание расходовало так называемые метрические суммы на заготовление утраченных в приходах книг, на уплату Уфимскому губернскому казначейству за прием и сохранение денег, на плату лицам за списание копий и переплет. Остатки от метрической суммы не передавались в казну, а хранились на особом счете Духовного собрания. В 1836 г. они составляли 1 586 рублей серебром. К 1865 г. сумма возросла до 2 981 рубля в билетах Приказа общественного призрения и 122 рублей наличными. Максимальный ежегодный сбор был в 1835 г. (304 рубля), а минимальный – в 1859 г. (207 рублей). В конце XIX в. на счетах Оренбургского магометанского духовного собрания находилось 9 459 рублей метрической суммы. В 1829–1843 гг. обязанности по контролю над данным источником осуществлял один из столоначальников, а с 1843 г. – специальное штатное лицо. За неправильное ведение метрических книг с приходских мулл взимались штрафы. Хотя нарушений было множество, Духовное собрание предпочитало ограничиваться письменными предупреждениями и выговорами. Возможно, незаинтересованность учреждения в наложении подобных штрафов была связана с законоположением об обязательности их отсылки в различные попечительные комитеты. В 1860 г. на текущем счете Духовного собрания находилось всего 10 рублей штрафных денег.

В 1835 г. появился новый источник доходов. За 7 лет до этого события муфтий Габдессалям Габдрахимов внес на рассмотрение властей план совместного строительства здания ОМДС. В результате поддержки оренбургского военного губернатора П. П. Сухтелена в 1834 г. правительство решило построить здание для учреждения, но «не обременяя государственную казну». Для этой цели Комитет министров предоставил Духовному собранию право взимать на

*О заведении между муллами книг
для записи новорожденных младенцев
магометанского исповедания*

**ПИСЬМО ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА Н. ХИРЬЯКОВА
В ОРЕНБУРГСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ**

26 февраля 1827 г.

При рассматривании дел Советного Суда малолетних впадших в преступления, часто встречается надобность в справках по метрикам о летах таковых подсудимых. Подобные справки также весьма нередко бывают нужны при приеме рекрут, когда представляемым в оные показывает себе число мест, сообразное с ревизскими сказками, а жители, зная истинные лета представляемого, называют ему оных более, нежели сколько значится по сказкам. Уголовная Палата по показаниям подсудимых к летам их, не согласным с справками от Уездных казначеев доставляемыми, подобным же образом часто имеет надобность прибегать к справкам.

В отношении к лицам христианского по делам вышеозначенных родов, равно и по каким бы то ни было другим, все сомнения и недоумения разрешаются скоро и совершенно верно метриками в Духовной Консистории, в Уездных Духовных Правлениях, у благочинных и при самих церквях имеющимися. Но когда встречаются подобные обстоятельства по делам магометан, то истинное число лет их никогда верно узнано быть не может, ибо время рождения магометанских младенцев нигде и никем не записывается, от этого и все сомнения остаются неразрешенными.

Дабы устроить часть сего, я необходимо нужным нахожу вменить Оренбургскому Духовному магометанскому собранию в обязанность завести и рассыпать по всем магометанским муллам и прочим духовным лицам такие же шнуровые книги или метрики для записи новорожденных, какие ведутся христианам священниками с тем, чтобы по истечении года книги сии обращаемы были в означенное Собрание на случай выправок, а при мечетях оставались копии с них. Предположение сие весьма удобно исполнительно потому, что в каждом магометанском селении если не указный, то сверх оного мечетный мулла имеется.

Поелику ж магометане имеют местожительство не в одной Оренбургской губернии, но и во многих других, будучи однако же подведомственны по духовным делам Оренбургскому магометанскому собранию, то о введении между ими того же порядка следует испросить разрешения Высшего Правительства.

Предлагаю губернскому правлению сделать постановление о приведении в исполнение вышеозначенного предположения и представить оное на рассмотрение к его Высокопреосвященству Г[осподину] Оренбургскому Военному губернатору.

Вице-губернатор Н. Хирьяков

специальный счет с каждой брачущейся мусульманской пары по 30 копеек серебром. По существу, это было новым налогом для лиц, исповедующих ислам. Следует заметить, что строительство здания государственного учреждения за счет определенной части общества являлось редким случаем в истории России. За период с 1835 по 1864 г. брачный сбор составил 67 582 рубля. Из них на постройку здания ОМДС было израсходовано 54 742 рубля, выделено в поддержку муфтию Габдулвахиду Сулейманову 1 500 рублей. Имелись и другие мелкие расходы. На счетах Собрания остаток составил 11 269 рублей. Проект здания Духовного собрания, утвержденный губернскими властями в 1847 г., неоднократно переделывался. Муфтии также предъявляли свои требования, и власти шли на встречу. В частности, был добавлен второй этаж, предназначенный для покоеv муфтия, а также разного рода вспомогательные помещения (каретник, конюшня, погреб для флигеля). Менялись и подрядчики, возникали проблемы с материалами. Все это потребовало увеличения расходов. Здание Духовного собрания вступило в строй в 1865 г.

В середине XIX в. финансы Духовного собрания заметно выросли. В 1864 г. на его различных счетах находилось 13 373 рубля, а в 1873 г. – 24 539 рублей. Последний уровень сохранялся в течение последующих 10 лет. В 1885 г. финансы уменьшились более чем на 6 тыс. рублей. В дальнейшем, несмотря на временный прирост средств в связи с увеличением брачного сбора, финансовые дела Духовного собрания шли все хуже и хуже. К 1906 г. на его счетах не осталось ни копейки. Здесь сказывались как выдача денежной помощи религиозным служителям, так и большие расходы самого муфтия. Кроме того, высшие инстанции неоднократно предписывали Духовному собранию перечислить ту или иную сумму на благотворительные нужды или строительство каких-либо православных храмов или памятников.

В течение XIX в. штат Оренбургского магометанского духовного собрания вырос почти в 2 раза, но это все равно не удовлетворяло потребности учреждения. Изменился порядок выборов заседателей, муфтий получил возможность самостоятельно формировать состав кадиев. Финансовая деятельность Духовного собрания отличалась активностью во второй половине XIX в. Государство финансировало религиозное учреждение на 40–50 %, остальные нужды удовлетворялись за счет брачных и метрических сумм. Несмотря на то, что правительство предоставило учреждению определенную финансовую самостоятельность, последнее и решающее слово в распределении средств принадлежало Министерству внутренних дел.

МЕЧЕТИ И МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

Мусульманское приходское духовенство получило легитимность еще в середине XVIII в., но его права и обязанности не были четко определены законодательством. Это произошло постепенно после учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания.

Государственное религиозное учреждение, по замыслу его создателя О. А. Игельстрома, призвано было осуществлять контроль над приходским духовенством. На протяжении XIX в. наряду с разбором бракоразводных дел важнейшей сферой деятельности учреждения оставалось принятие экзаменов у претендентов на духовные должности. Первые годы функционирования Духовного собрания были посвящены переаттестации ахунов, мулл (имамов) и муэдзинов (азанчеев). При этом правительство хотело значительно сократить количество духовных служителей путем отсева непригодных на экзаменах. Разумеется, не все религиозные деятели признавали соответствующим основополагающим принципам ислама получение религиозных званий от государства, к тому же христианского. Так, известный мусульманский просветитель Габдрахим Утыз Имани (1754–1834) после возвращения из Средней Азии на родину в 1798 г. отверг порядок назначения на должности, установленный в указе об учреждении Духовного собрания. В поэмах «Гауариф-аз-заман» («Подарок эпохи»), «Мужаль-мат-аз-заман» («Важнейшие проблемы эпохи») и других литературных произведениях он подверг критике «официальных мулл», а впоследствии неоднократно заявлял, что светские власти не должны вмешиваться в религиозные дела, а муллы, назначаемые по указу властей в результате испытания в Духовном собрании, незаконны и, более того, являются врагами народа и ислама. Однако большинство мулл спокойно отнеслись к нововведениям и стремились занять должности после экзаменовки.

На экзаменах в Духовном собрании присваивались степени, общепринятые в исламском мире. Чтобы избежать путаницы в делопроизводстве, правительство стремилось выделить основные звания. Указами Сената от 9 декабря 1835 г. и от 23 января 1836 г. при соборной мечети разрешалось иметь по одному хатыбу и имаму. В функцию хатыба входило произнесение хутбы — речи перед праздничной молитвой, а также праздничной проповеди. Имам выступал как духовный руководитель, глава мусульманской общины. В условиях российской действительности между хатыбом и имамом никаких различий не существовало, и поэтому губернские власти при утверждении их в должности часто использовали термин «мул-

ла». Муэдзин исполнял три основные обязанности: собирал верующих, призывал имама и объявлял о начале богослужения. Часто в указах Духовного собрания и в быту употреблялся распространенный среди тюркских народов синоним муэдзина — азанчей. 5 июня 1892 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново запретил употребление термина «азанчей» в деловой переписке. Иерархия между имамами и муэдзинами соблюдалась строго. Муэдзинам разрешалось выполнять имамские обязанности только в том случае, если это было особо оговорено в указах об их назначении.

Исходя из данной, нелицеприятной для мусульман практики, начальник 3-го мишарского кантона А. Валитов предлагал в конце 1852 г. во всех мечетях назначать старших имамов с подчинением им остальных служителей. 19 января 1853 г. Духовное собрание приняло постановление относительно обращения кантонного начальника. В нем говорилось, что муллы обязаны исполнять богослужения по строгой очередности, а светские власти не должны входить в разбирательство духовных дел. Обязательную очередь на совместное отправление богослужений в мечетях и требоисправлений предусматривала фетва муфтия, направленная по всем приходам в 1879 г. При испытании кандидатов на духовные должности религиозное учреждение обязывалось придерживаться возрастного ценза. В ахуны, кадии, мухтасибы и мударрисы разрешалось принимать лиц не моложе 25 лет, в хатыбы, муллы, имамы — не моложе 22 лет, муэдзины — не моложе 21 года. Местные власти контролировали Духовное собрание в вопросах соблюдения возрастного ценза. Так, 18 июля 1842 г. Оренбургское губернское правление предложило муфтию выяснить возраст муллы д. Давлетханово Белебеевского уезда Сатлыка Муллагулова и, если окажется, что он моложе 18 лет, немедленно уволить. Подозрения властей насчет возраста муллы религиозное учреждение признало необоснованными. К тому же оно довольно критически относилось к установленным властями возрастным ограничениям. Так, в ответе на запрос Департамента духовных дел иностранных исповеданий муфтий Габдулвахид Сулейманов писал, что оптимальнее назначать в духовные должности с 18 лет, а в «необходимом случае, если не свершилось в таком возрасте ученых... то закон (мусульманский. — Д. А.) допускает определять и в 15-летнем возрасте».

В мусульманском обществе спор шел по поводу предельного возраста, до которого религиозный служитель мог исполнять свои обязанности. Муфтий Габдулвахид Сулейманов самовольно определил верхний предел 65 годами. Это вызвало недовольство мусуль-

манского духовенства. Так, в 1853 г. отставной мулла д. Шаранбаш 13-го кантона Белебеевского уезда Г. Муртазин в своем прошении в МВД писал, что нигде в мусульманских законах не говорится о предельном возрасте духовных служителей. В доказательство своей правоты Г. Муртазин привел пример скончавшихся на своем посту в преклонном возрасте Мухамеджана Хусаинова и Габдессаляма Габдрахимова.

Ко второй половине XIX в. относятся попытки изменить или все отменить экзамены в Оренбургском магометанском духовном собрании. Инициатором обсуждения вопроса был оренбургский гражданский губернатор И. М. Пятулов, который в 1852 г. в отчете о состоянии губернии писал, что Духовное собрание при произведении в религиозные степени принимает во внимание любые обстоятельства, кроме знаний претендентов. Он предлагал восстановить щадительный порядок при проведении экзаменов.

Муфтий Салимгарей Тевкелев в проекте «О правах магометан по вероисповеданию» решающую роль в осуществлении изменений в проведении экзаменов отводил самому Духовному собранию. Он считал необходимым, чтобы каждый претендент на звание имама или муэдзина представлял справку об окончании медресе или мектеба. С целью преодоления волюнтаризма при приеме экзаменов со стороны муфтия и заседателей Салимгарей Тевкелев полагал установить для каждой категории экзаменующихся знание определенных богословских книг. Список их приводился в специальном приложении. Претенденты могли изучать литературу в самом Духовном собрании. Салимгарей Тевкелев частично реализовал свои предложения, однако кардинальных изменений при проведении экзаменов не произошло. Чиновник особых поручений Н. Ильин, проверявший в 1870 г. работу религиозного учреждения, пришел к выводу, что имеются факты коррупции при принятии экзаменов, а затем утвержденные в должности муллы возмещают понесенные расходы за счет прихожан. Он предлагал отменить производство экзаменов как бесполезную и вредную формальность. Но правительство, соглашаясь с мнением чиновника, не решилось отменить установленный порядок, дающий хоть какой-то контроль за численностью мусульманского духовенства.

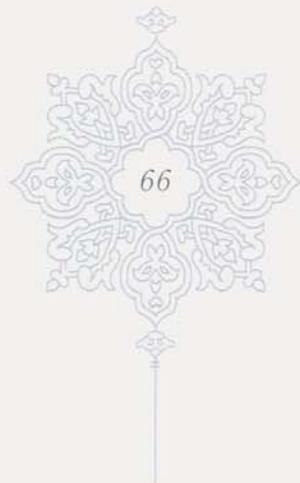
К своеобразной элите мусульманского духовенства в России относились ахуны. В начале XVIII в. ахун осуществлял связь между администрацией и приходским духовенством. С 1789 г. эти функции перешли к Духовному собранию. Теперь ахуны потеряли прямой доступ к высшему начальству и должны были соотносить свои действия с религиозным учреждением.

Третья соборная мечеть, г. Уфа

Мечеть Хакимия, г. Уфа

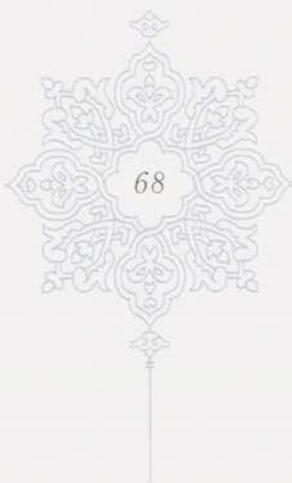
66

Третья мечеть, Каргалы, Сеитов посад

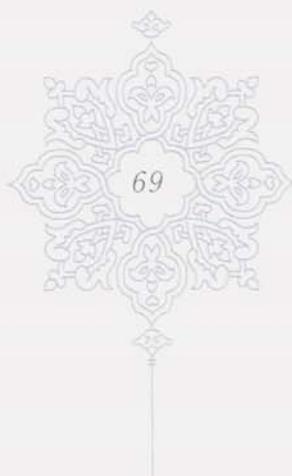
Шестая мечеть, г. Троицк

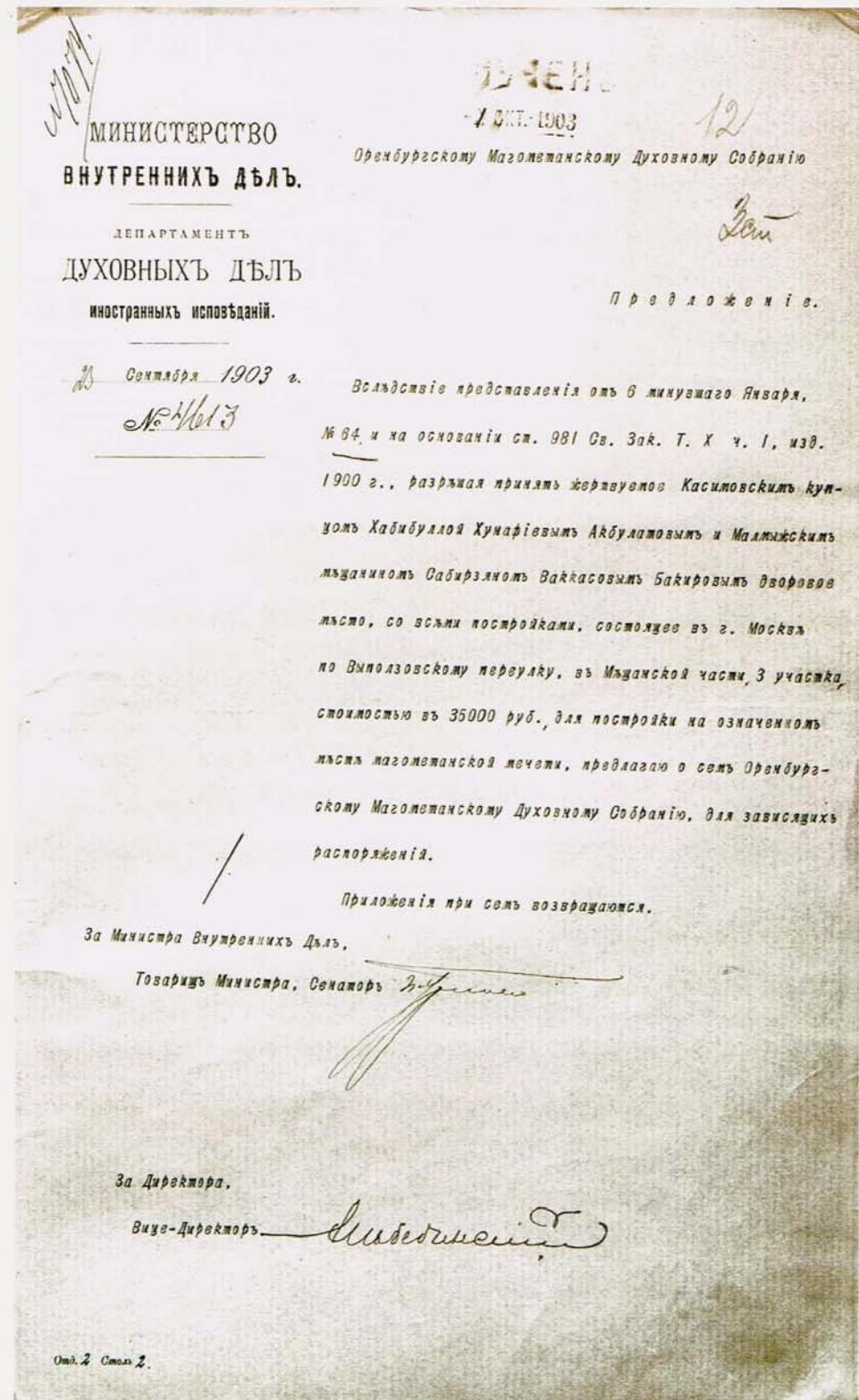
68

Соборная мечеть, г. Томск

Соборная мечеть, г. Омск

О пожертвовании земельного участка
в Выползовом переулке (г. Москва) под строительство мечети

Мечеть в Выползовом переулке, г. Москва

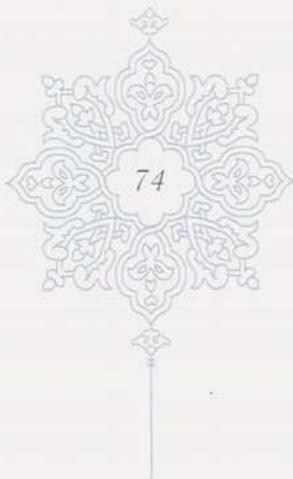
72

Мечеть, г. Павлодар

Мечеть, г. Владикавказ

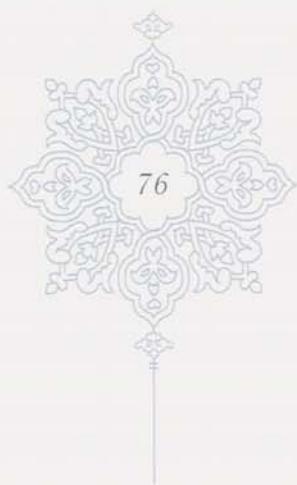
74

Мечеть, г. Иркутск

Мечеть, г. Пермь

76

Мечеть, г. Петропавловск

Мечеть, г. Бугульма

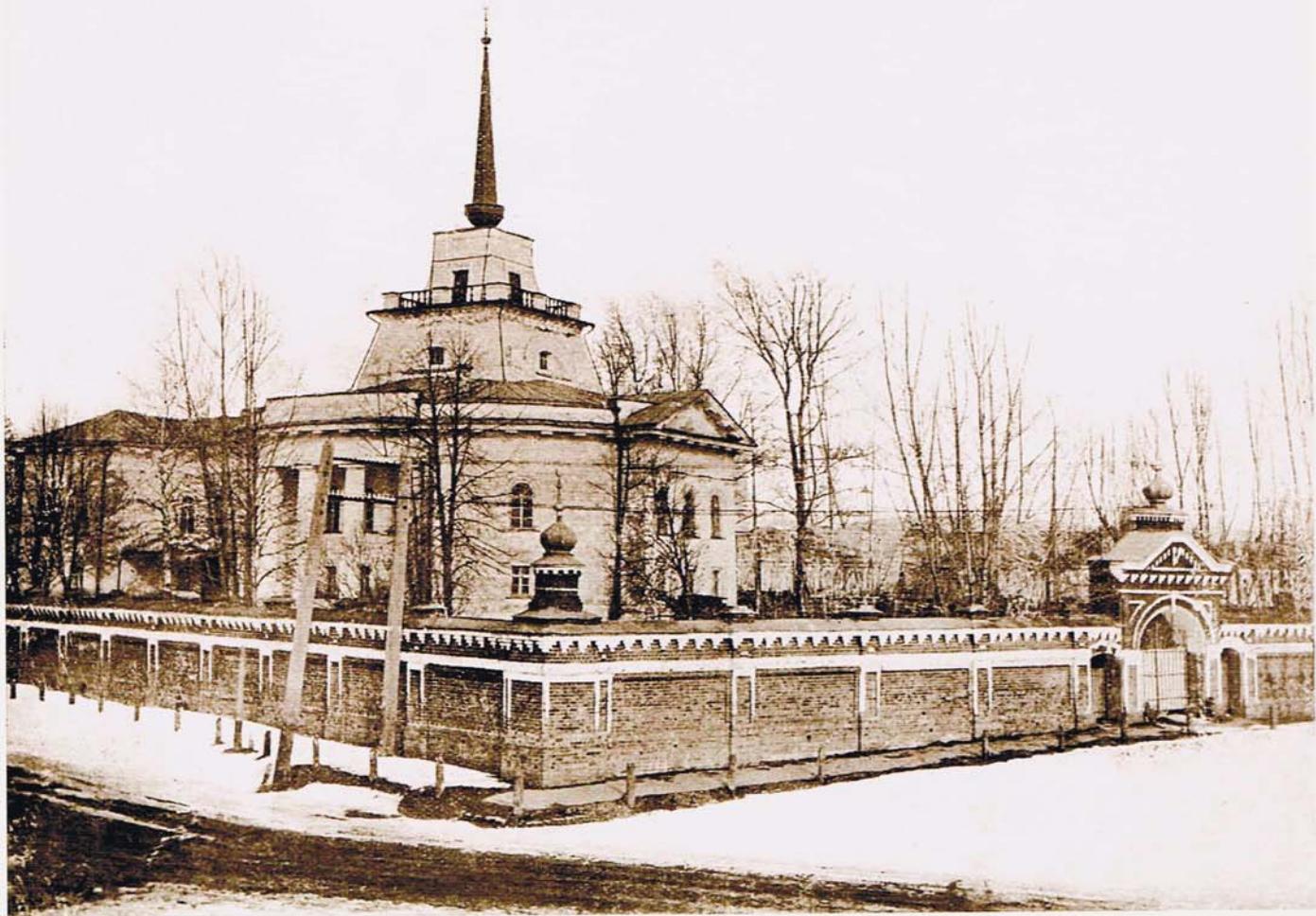
78

Третья мечеть, г. Семипалатинск

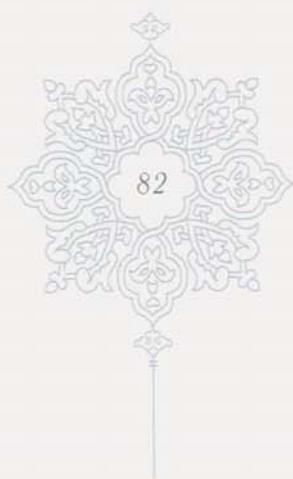
Мечеть, г. Зайсан

Ярмарочная мечеть, г. Нижний Новгород

Мечеть, г. Кустанай

82

Мечеть, г. Акмолинск

Мечеть, г. Архангельск

84

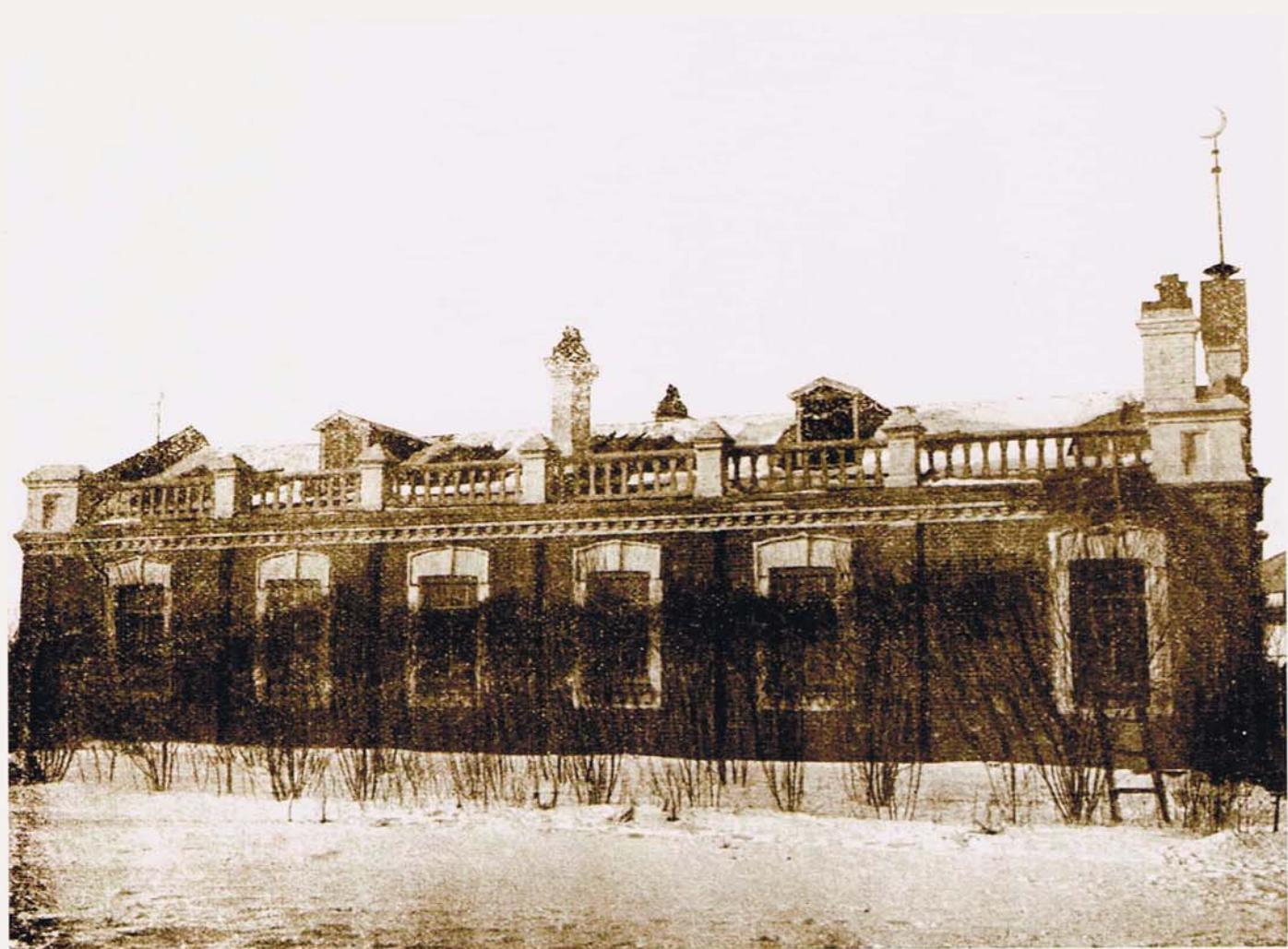
Мечеть, г. Тверь

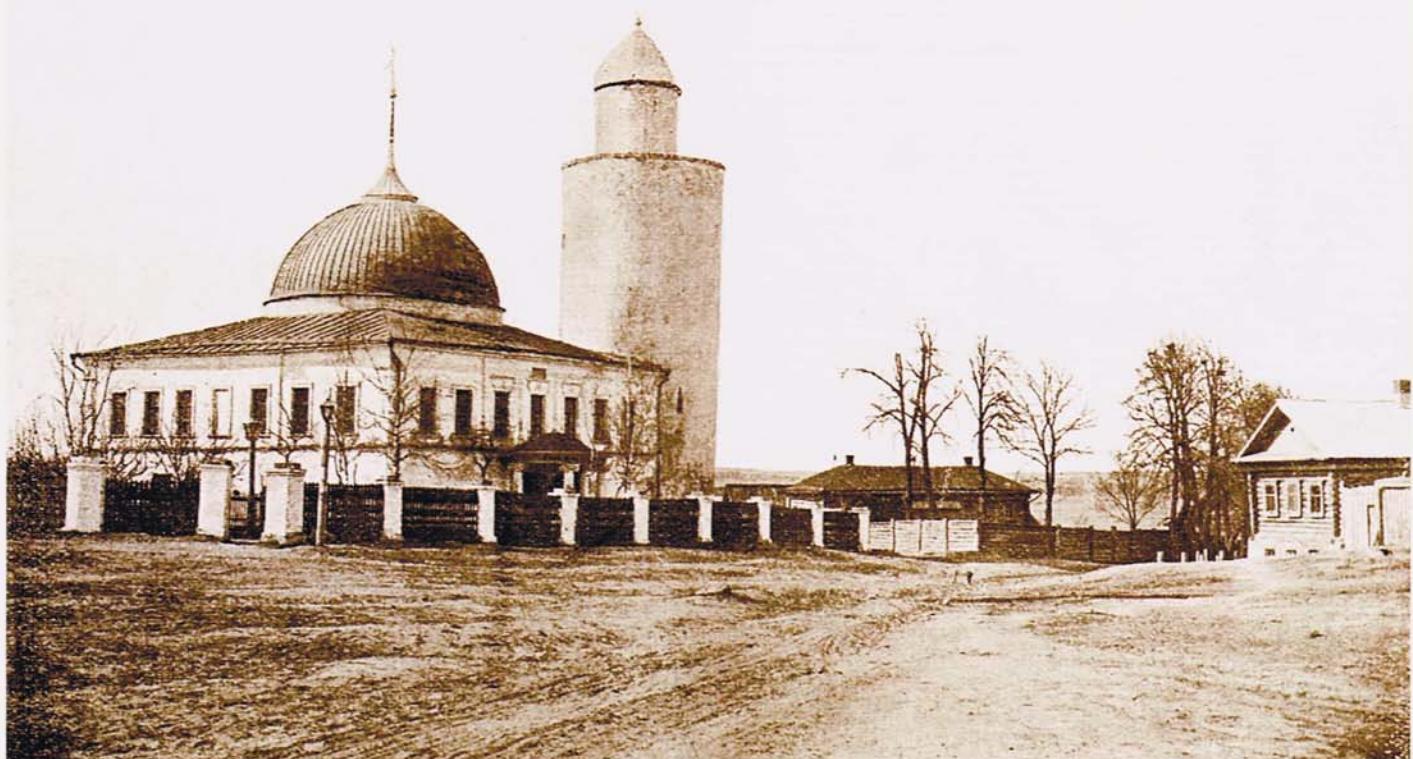
Мечеть, г. Чита

86

Мечеть, г. Харбин

Мечеть, г. Рязань

88

Мечеть Аль Марджани, г. Казань

Азимовская мечеть, г. Казань

90

Сенная (Базарная) мечеть, г. Казань

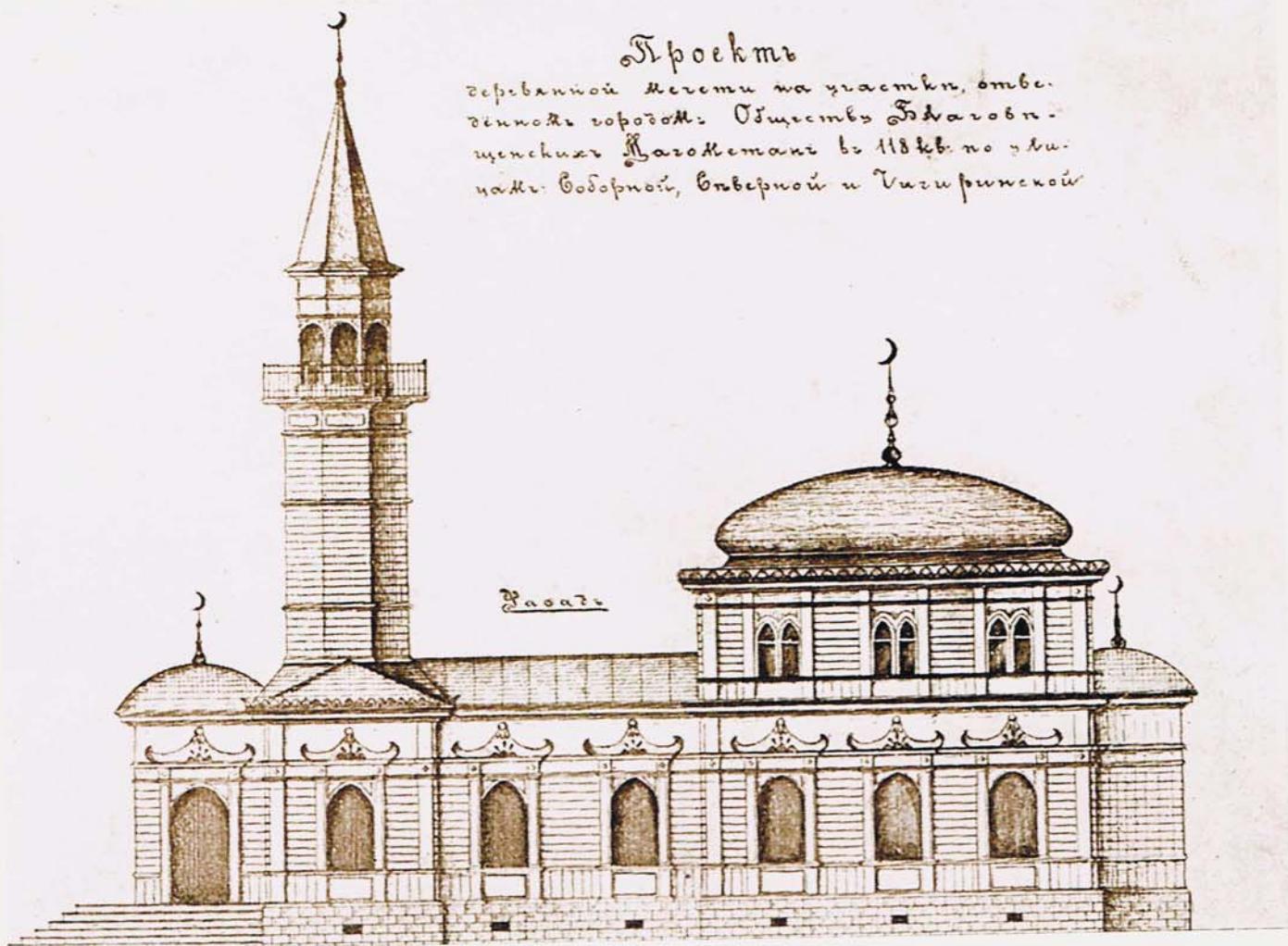
Мечеть Караван-Сарай, г. Оренбург

92

Проектъ

деревянной мечети на участке, принадлежащем городу: Обществу Благовещенских Магометанок в 1846 по улице Соборной, Спасской и Чиринской

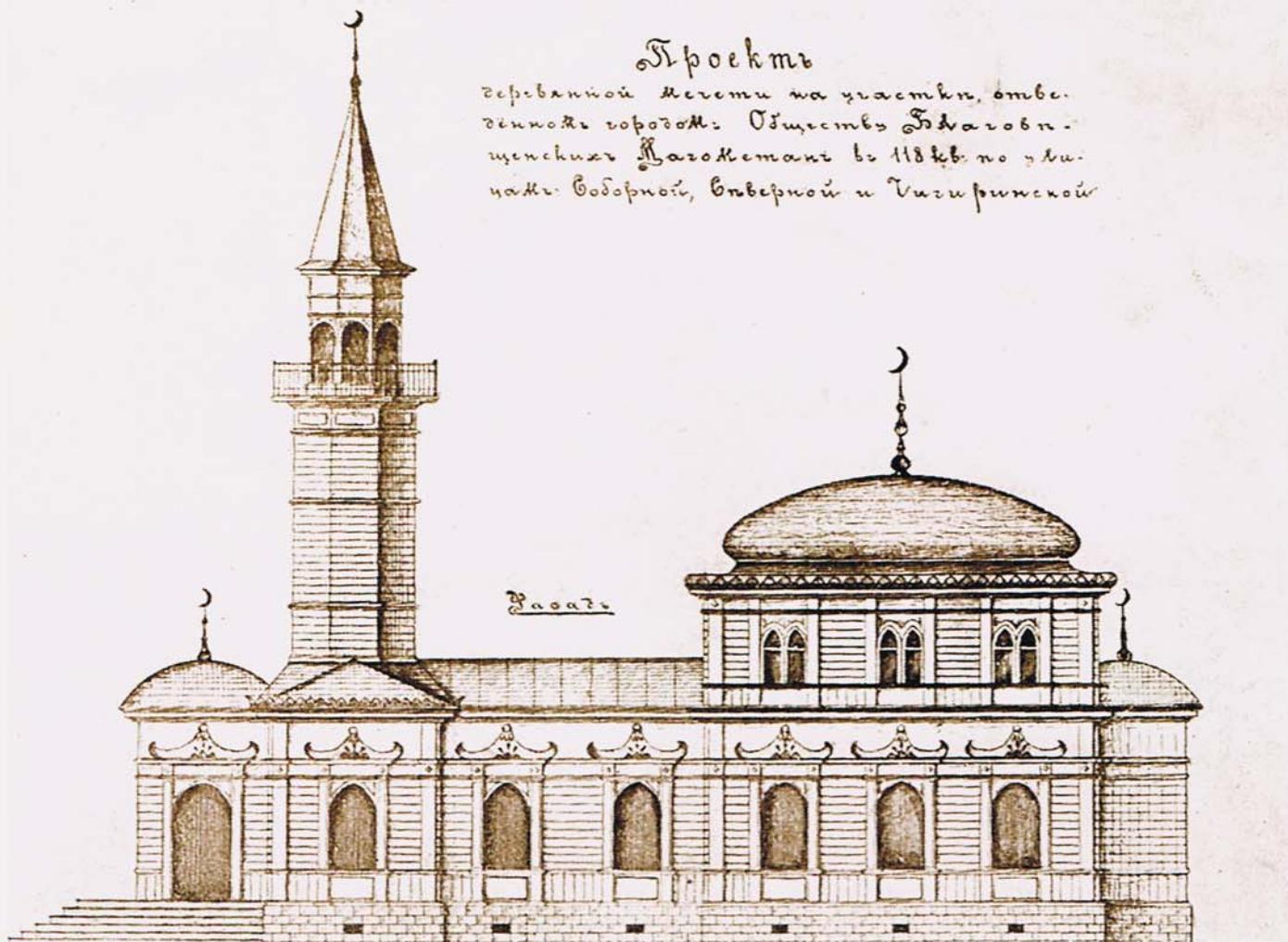

Проект мечети г. Благовещенска

Проектъ

деревянной мечети на участке, отведенном
городом: Обществу Благовещенских
Мусульманъ въ 118 кв. по ули-
цамъ: Соборной, Спасской и Чигиринской

Проект мечети г. Благовещенска

Проект мечети в Санкт-Петербурге

Выполнение своих обязанностей ахуны совмещали с заведованием приходами. Иногда местные власти ходатайствовали о наделении их другими полномочиями. Например, 22 юртовых старшины и начальник 10-го башкирского кантона Сафаров направили в 1833 г. в Духовное собрание прошение, в котором выражали желание, чтобы ахун Усман Абдуллин контролировал все мусульманское духовенство в округе. Религиозное учреждение удовлетворило это ходатайство.

В середине XIX в. количество ахунов в крае резко увеличилось. В 1851 г. в Оренбургской губернии их насчитывалось 25 человек. Это было связано с отсутствием в законодательстве норм по назначению старших духовных чиновников. Сказывалось также вошедшее в практику положение, при котором звание ахуна стало присваиваться кандидатам по итогам экзаменов. В результате был значительно размыт существовавший ранее принцип формирования корпуса старших духовных чиновников из достойных имамов с большим опытом. Растущее число ахунов и связанная с этим девальвация этого звания вынудило Духовное собрание ввести должность старшего ахуна. Против выделения внутри ахунов особой категории духовных служителей выступил муфтий Габдулвахид Сулейманов. В постановлении Духовного собрания от 14 августа 1841 г. было указано, что «этого старшинства в законе магометанском вовсе не положено, и все они (ахуны – Д. А.) носят чины и обязанности равные». В 1851 г. в Оренбургской губернии титул старшего ахуна носили 5 человек: Сагит Сарапаев (г. Уральск), Гатаулла Алтынгужин (оренбургский Караван-сарай), Хузян Манасов (г. Троицк), Абдулгани Амирханов (с. Тавларово Белебеевского уезда), М. Ягудин (д. Понсеево Мензелинского уезда). Кроме них, контроль над приходским духовенством осуществляли в Стерлитамакском уезде 4 ахуна, в Оренбургском, Верхнеуральском, Белебеевском и Мензелинском уездах – по 2 ахуна, в Уфимском, Челябинском, Троицком, Бирском – по 1 ахуну. Такими же правами обладали ахуны Оренбургской соборной мечети Усман Мусин и Стерлитамакской соборной мечети Камалетдин Нагаев.

Правительство неоднократно поднимало вопрос о статусе звания «ахун», пытаясь выяснить его полномочия. В 1847 г. Духовное собрание уведомляло МВД, что в ахуны определяются прежде всего из имамов, а главная обязанность религиозного чиновника состоит в разборе семейных ссор и неурядиц. Приходской ахун избирался вместо выбывшего по тем же правилам, что имамы и муэдзины. Никаких особых требований на экзамене ему не предъявлялось. Весомость претендента на должность старшего ахуна должны были подтвердить большинство духовных служителей, а также старшин

команд или сельских начальников. Таким образом, в 1847 г. был избран на должность старшего ахуна Уфимского уезда имам д. Учкулево Н. Абдулфаизов. Должность ахуна давала большие права при разбирательстве дел мусульман, и естественно, к ней стремились многие имамы.

В 50–60 гг. XIX в. Духовное собрание вернулось к вопросу о статусе ахуна. Муфтий Габдулвахид Сулейманов в донесении Оренбургскому губернскому правлению от 26 октября 1861 г. писал, что «звание ахуна, как и муфтия, есть отдельная должность от приходского духовенства. Онодается Собранием отдельно от звания имама или с присоединением к нему». В том же уведомлении Собрание отмечало, что оно свои обязанности по контролю за действиями мулл в духовном отношении осуществляет только через посредство ахунов, а других возможностей попросту не имеет.

В 1862 г. МВД потребовало от ОМДС определить строгую иерархию должностей и систему подчинения в своем ведомстве. Через год министр П. А. Валуев посчитал необходимым разработать для ахунов особые правила, которые он готов был утвердить после получения заключения от оренбургского гражданского губернатора. При этом, по мнению министра, следовало исходить из того, что ахун — почетная должность разбирателя спорных гражданских дел. Все другие лица, не обладающие этим званием, не имеют права участвовать в таких процессах.

Духовное собрание, желая усилить административную и духовную власть ахунов, разработало проект о старших духовных чиновниках. Оно считало, что звание ахуна следует давать не вся кому выбранному или желающему, а по округам. В зависимости от компактности проживания мусульман в заведовании ахуна в округе должно было находиться от 25 до 100 приходов. Исходя из этого, в 1640 приходах Оренбургской губернии предусматривалось назначить 28 ахунов, в 670 приходах Казанской губернии — 5 ахунов, в 333 приходах Самарской губернии — 4 ахуна, в 155 приходах Пермской губернии — 4 ахуна и т. д. Всего в трех с половиной тысячах приходах, подчиненных Оренбургскому магометанскому духовному собранию, предполагалось утвердить в должности 65 старших чиновников. В обязанности ахуна должны были входить наблюдения за приходскими имамами, рассмотрение дел по спорам мусульман, а также вопросы обучения в мектебах и медресе. Он ежегодно должен был представлять в Духовное собрание отчет о всех своих действиях. На должность ахуна могли избираться только имамы и хатыбы, прослужившие не менее 3 лет.

Правительство никак не отреагировало на проект, предложенный Духовным собранием. Между тем МВД само взялось за ут-

верждение в звании ахуна. Прецедент был создан в январе 1867 г., когда проэкзаменованный в Собрании имам д. Киешки Уфимского уезда Камалетдинов не был утвержден в должности в губернском правлении. Последнее ссыпалось на то, что не имеет соответствующих прав присваивать звание ахуна. Тогда Камалетдинов обратился в МВД и получил желаемый указ. Духовное собрание выступало против участия министерства в утверждении в звании старших духовных чиновников. Еще ранее, в 1863 г. оно высказалось опасение, что «утверждение ахуна Министерством дало бы им большое преимущество перед членами Собрания, которые утверждаются только Казанским губернским правлением». Заседатели Собрания формально являлись кадиями. Однако многие из них относились к низшему духовенству. Только часть заседателей получала в качестве награды степень ахуна. Так, Абдулжаббар Рахманкулов, бывший заседателем в 1839–1842, 1848–1851 гг. и состоявший в духовной должности с 1827 г., был утвержден в звании старшего ахуна лишь в 1860 г. Джаялетдин Максютов, прослуживший 8 сроков заседателем, был рекомендован в 1885 г. на должность старшего ахуна, но казанский губернатор отказал ему, мотивируя отсутствием такого звания в законах. Впоследствии Д. Максютов все же был удостоен звания ахуна. Вероятно, «нерасторопность» в присвоении заседателям степени ахуна объяснялась сложными взаимоотношениями между муфтиями и членами Собрания во второй половине XIX в.

Существовали вариации степени ахунов. Так, имам-хатыб Уфимской соборной мечети Шарафутдин Сулейманов носил еще звание старшего военного ахуна, которого он был удостоен за выполнение духовных треб в воинских частях г. Уфы. В 70–80 гг. XIX в. в практику вошло присвоение степени претендентам, не имевшим приходов. Например, в 1876 г. мировой посредник 5-го участка Бирского уезда И. Ермолаев ходатайствовал о поощрении учителя татарского языка и мусульманского закона Бураевской сельской школы А. Амирова «с целью способствования между башкирами просвещения». Подлинная же причина ходатайства мирового посредника выясняется из его письма губернатору. И. Ермолаев писал, что звание ахуна Амирову необходимо для подчинения местного духовенства, препятствующего преподаванию русского языка. Духовное собрание постановило возвести А. Амирова в звание ахуна без прихода.

В Оренбургской губернии многие ахуны имели помощников, которых использовали для разъездов по волостям с различными поручениями. Вот как объясняло в 1843 г. Духовное собрание существование этой должности: «Ежели таковые помощники доселе Оренбургским губернским правлением и были утверждаемы и для того

предварительно присыпались от него на испытание в Собрание, то, вероятно, в уважение к башкирцам и мещерякам, желавшим занять такие звания во избежание службы». Из этого определения видно, что Духовное собрание перекладывает ответственность за незаконную должность в своем ведомстве на губернское правление. Практически порядок поступления в помощники ахуна (мугина ахун) был такой же, как и в ахуны. Несмотря на то, что ДДДИИ признавал лишь три звания: казый (муфтий есть только старший казый), имам и муэдзин, должность помощника ахуна, как видно из дел Собрания конца XIX в., продолжала существовать.

К высшему духовенству относились и мухтасибы, обязанные следить за нравственностью прихожан и духовных служителей. Духовное собрание присваивало эту степень авторитетным имамам, однако четкой регламентации обязанностей мухтасиба и объединения приходов в округа (мухтасибаты) не было. В условиях дореволюционной России функции ахунов и мухтасибов были идентичными.

Самым главным требованием при утверждении в духовной должности являлось наличие прихода. По положению О. А. Игельстрома, разрешение на строительство новой мечети давалось при наличии 100 прихожан мужского пола. В начале XIX в. необходимый минимум прихожан был повышен до 300 душ мужского пола. Местная администрация создала бюрократическую процедуру выдачи разрешений на строительство мечетей и выбор имама. Согласно установленному порядку, 2/3 старших домохозяев прихода представляли свой приговор кантонному начальнику или в уездное полицейское учреждение. Проверив число прихожан, адресаты передавали документы в губернскоеправление, которое отсыпало их в Духовное собрание. В результате до вызова предентентов на духовные должности в религиозное учреждение и выдачи разрешительного акта на строительство мечети проходил год и более. Это создавало почву для злоупотреблений. Так, в 1819 г. жители д. Учук Хамбиево Бузулукского уезда жаловались на старшинского помощника тархана Кусякбая Ильясова за вымогательство денег за «труды» по устройству мечети и определение к ней имамов.

В 1800 г. в Оренбургской губернии действовало 1 147 мечетей, при которых состояло 1 793 духовных служителя. В конце 20-х гг. XIX в. правительство и местные власти стали выражать беспокойство по поводу увеличивающегося количества мечетей и мулл. Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский и управляющий Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Д. Блудов выразили взаимное согласие на разработку действенных мероприятий по уменьшению количества мечетей и мулл. Местная

администрация осложнила выдачу разрешений на открытие мусульманских приходов. С 1829 г. все претенденты на должность ахуна, имама или муэдзина обязывались являться в губернскоеправление и только потом в Духовное собрание. Мечети, построенные без разрешения, признавались недействительными и подлежали закрытию. Результаты принятых мер были внушительными. Если в 1831 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 1 663 мечети и 2 883 религиозных служителя, то уже к 1835 г. их количество сократилось соответственно до 1 235 и 2 039. Политика ограничения роста численности мусульманских приходов и духовных служителей продолжалась и в дальнейшем. Указами Правительствующего сената от 9 декабря 1835 г. и от 23 января 1836 г. возведение соборной мечети разрешалось при наличии 300 душ мужского пола и пяти временной мечети – 200 душ прихожан. Штат духовных служителей соборной мечети был установлен не более 3 человек, а пяти временной – не более 2 человек.

Духовное собрание 11 октября 1839 г. приняло указ, предписывающий всем кантонным начальникам закрыть мечети в деревнях, где нет 200 душ мужского пола, а жителей их причислить к ближайшим приходам на расстоянии от 1,8 до 8 верст. Распоряжение вызвало неоднозначную реакцию у начальников. В частности, начальник 3-го башкирского кантона в 1842 г. предложил оставить всех мулл и муэдзинов при мечетях, что означало отказ от осуществления данного предписания. Духовное собрание отвергло предложение кантонного начальника.

В 1850 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 1 663 мечети и 3 955 духовных служителей. По сравнению с 1800 г. число мечетей и мулл увеличилось в 1,5 раза. Это соответствовало росту численности населения. Гражданский губернатор И. М. Пятлев в отчете о состоянии губернии за 1851 г. писал, что есть мечети с 24 и 15 прихожанами. Он предлагал давать разрешение на строительство новой мечети лишь при наличии 500 душ мужского пола, а второй мечети – при 800 душ.

Строительство новых мечетей обуславливалось не только выше-перечисленными ограничениями. Внешний вид мечетей был также строго регламентирован, они должны были возводиться в соответствии с высочайше утвержденными образцами планов и фасадов.

В 1862 г. военный губернатор А. П. Безак писал в Министерство внутренних дел, что «в это переходное время всякое даже малейшее вмешательство в дела магометанской религии может раздражать религиозный фанатизм и тем повредить успеху предполагаемого преобразования». Со стороны мусульман участилась подача прошений об открытии новых приходов. 17 декабря 1862 г. последовало новое,

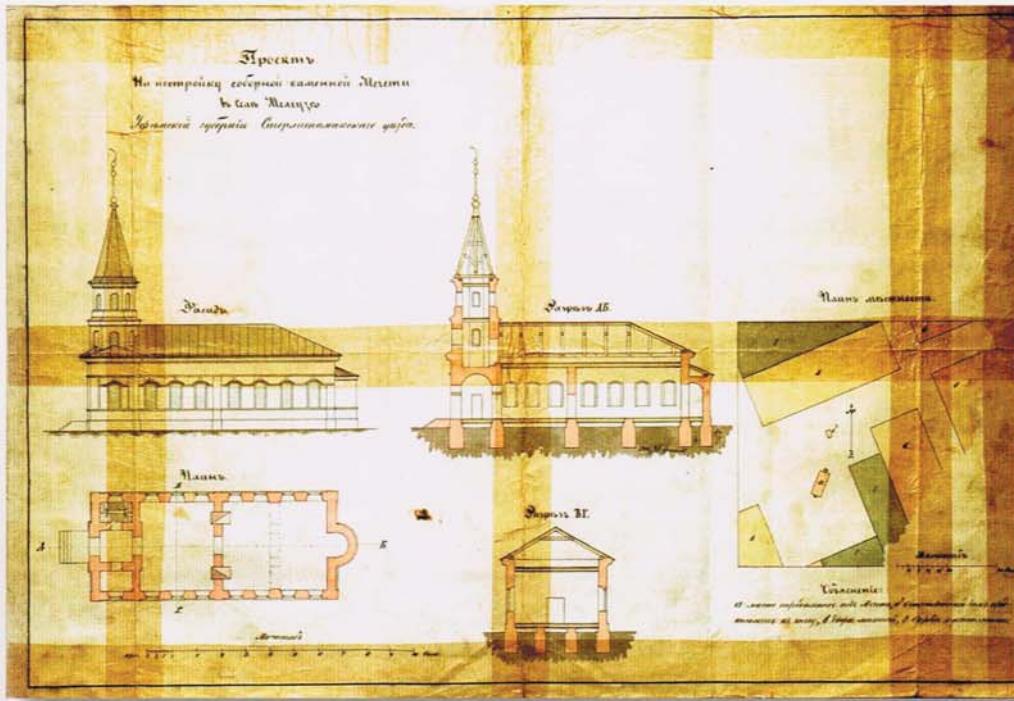

*О постройке мечетей по ведомству
Оренбургского магометанского духовного собрания
по новым планам и фасадам*

СЕНАТСКИЙ УКАЗ

18 января 1844 г.

Правительствующий Сенат слушали рапорт Министра Внутренних Дел, что повстреченное надобности в издании новых планов и фасадов для постройки деревянных мечетей по ведомству Оренбургского магометанского духовного собрания он, Министр, входил в отношение с Главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями, который препроводил к нему на сей конец составленные в том управлении и Высочайше утвержденные 18 ноября минувшего года образцовые чертежи. Он, Министр внутренних дел чертежи эти на двух листах представляет в Правительствующий Сенат для надлежащего распоряжения, приказами обозначенном Высочайшем Его Императорского Величества повелением дать знать всем губернским и областным правлениям и начальникам губерний указами; Министру же внутренних дел предписать сделать распоряжение о доставлении образцовых чертежей в губернские правления.

*План постройки
мечети Мелеуза*

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, которое позволяло строить мечети «не по одним Высочайше утвержденным образцовым планам, но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными», в котором говорилось: «в изменение ст. 264-й Уст. Строит. <...> постановить: новые мечети, надлежащими духовными и гражданскими начальствами признанные необходимыми и обеспеченные в содержании, строятся не только по планам и фасадам, в 1844 г. (17539) Высочайше для них утвержденным, но и по таким планам и фасадам, какие прихожанами будут признаны удобными, но с тем, чтобы в последнем случае, т. е. когда постройка мечетей предположена не по образцовым чертежам 1844 года, особые проекты построек были каждый раз утверждаемы местными строительными и дорожными комиссиями, а в случае особенной важности представляемы на утверждение Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Резолюция. Его Императорское величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета о дозволении строить магометанские мечети по различным планам и фасадам Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить».

Духовное собрание в 1866 г. выступило за отмену всех связанных с численностью мусульман запретов на строительство мечетей. При обсуждении вопроса муфтий говорил, что «малое число мечетей и отдаленность их от некоторых прихожан, лишая их исполнения пятивременного богослужения, имеет самое вредное влияние на нравственность мусульман».

В проекте «О правах магометан», представленном в правительственные инстанции, Салимгарей Тевкелев предлагал следующие нормы для образования новых приходов. Если число мусульманских семейств в населенном пункте менее 20, то разрешается иметь один молитвенный дом, если более 20 — пятивременную мечеть. При наличии 100 семейств позволяет построить соборную мечеть. Безусловно, реализация плана муфтия привела бы к резкому увеличению количества мечетей и духовных служителей. В 1867 г. альтернативный проект в Министерство внутренних дел представил оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский. Он обвинял правительство и предыдущие местные администрации в попустительстве и отстраненном отношении к Духовному собранию. В результате «магометанское духовенство составило как бы замкнутое сословие со своими исключительными интересами и сильною взаимною поддержкою и получила огромное влияние на народ». Генерал-губернатор считал, что назначение мулл, обязательно знающих русский

*О разрешении мусульманам устраивать молитвенные дома
в тех местах, где мечети находятся в отдаленности*

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ГОСПОДИНУ ОРЕНБУРГСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ

28, 29 июля 1866 г.

Секретно

Оренбургское магометанское духовное собрание представлением от 15 минувшего июня за № 3216 просит меня ходатайствовать перед высшим начальством о разрешении мусульман устраивать для пятивременного богослужения и совершения в назначенные дни молебствий о здравии и благодеянии Государя Императора и всей Его Августейшей фамилии молитвенные дома в тех местах, где посещение мечетей по отдаленности их оказывается неудобным, а устройство новых по ограниченному числу жителей законом не допускается.

Это определение [Оренбургского] магометанского духовного собрания, как объяснено в вышеозначенном представлении, состоялось вследствие заявления Оренбургского муфтия, который предъявил Собранию, что многие мусульманские общества, по недостатку мечетей, обращаются к нему с ходатайством предоставить им более возможности к исправному соблюдению предписанных законами обрядов богослужения, объяснил, что недостаток мечетей и отдаленность их, лишая прихожан возможности точного соблюдения религиозных обязанностей, имеют самое вредное влияние на нравственное состояние мусульман, ибо переставая исполнять обязательные по шариату для каждого мусульманина обряды общественного богослужения и пользуясь праздным временем, они сначала не считают грехом отступление от обрядов религии, потом ослабевают в самой вере, теряют уважение к обряду брака, присяги и, наконец, предаются всем порокам и даже преступлениям.

Представляя на благоусмотрение Вашего Превосходительства ходатайство [Оренбургского] магометанского духовного собрания о разрешении мусульманам устраивать молитвенные дома, я считаю долгом присовокупить, что по мнению моему приведенные собранием, с заявлением муфтия, основания сему ходатайству не заслуживают уважения.

Праздность и как последствия ее неуважение религии, несомненно, имеют весьма вредное влияние на нравственность, но ревностное исполнение обрядов веры без надлежащего образования, доводя до фанатизма, не вызывает еще трудолю-